

Полнолуние

Мария Икеучи

Мария очень быстро заснула и даже не знала, как закончился вечер. Воспалённое болезнью, усталость и непривычными ощущениями сознание сначала не подавало никаких импульсов, но через некоторое время стали проникать какие-то образы, не имеющие ничего общего с реальностью. Мария крепче зажмурилась и укуталась в одеяло. Почему-то стало очень холодно, а тело пробивала крупная дрожь. Женщина повернулась на другой бок. Что-то мешало спать, какой-то прожектор. Сознание посылало отчётливые импульсы, приглашая неприятные и страшные воспоминания, от которых невозможно было спрятаться, как бы Мария ни пыталась это сделать. Она укрылась с головой одеялом, но это тоже не помогло.

Яркий свет взрывал сознание, разрывал его на миллионы миллиардов кусочков, от этого света жутко раскалывалась голова, и самый страшный и неприятный эпизод из ее жизни всплывал перед глазами. *Тёмный холодный подвал, где пахло сыростью. Вместо пола земля, стены из камня, очень холодные и сырые... Дуло пистолета, уткнувшееся в спину. Шаги маньяка за спиной, его дыхание... Боль, страх. Тьма и... косточка. Кость, которую можно было грызть, чтобы не сдохнуть с голоду. Вода на камнях - ее можно пить, чтобы не сдохнуть от жажды. Холод проникает всё глубже, сердце сжимается от страха. А яркий свет никак не утихает...*

Мария вздрогнула и открыла глаза. В окно светила яркая и очень большая луна. Женщина прикрыла глаза и усмехнулась, правда это получилось горько. Если бы не этот отвратительный диск луны, ей бы не приснился этот кошмар. Мария отвернулась на другой бок и снова укрылась с головой одеялом, надеясь немного поспать. *Перед глазами возник ухмыляющийся образ Ёсида-сана, который с какой-то жестокостью трясёт перед ее лицом костью, а потом швыряет эту кость в ее лицо.*

Снова вздрогнув, женщина села на кровати и обняла колени руками. Тело пробивала крупная дрожь, футболка была мокрая. Протерев лицо рукой, Мария пошевелилась и осторожно встала с кровати. Сняв с себя футболку, она сильно задрожала от холода (а может это был не холод). Найдя теплый джемпер, она надела его и тихо вышла из комнаты. Несмотря на пот и слабость, чувствовала она себя уже немного лучше. Ей показалось, что температура уже не такая высокая, как было несколько часов назад. Умывшись прохладной водой, она направилась на кухню, с удивлением обнаружив спящего на диване Кёске. Глядя на его спокойное и умиротворенное лицо, женщина невольно улыбнулась и, наклонившись, осторожно поцеловала его в висок. Поправив одеяло, она подошла к чайнику, тоящему на небольшой столешнице, и, налив в чашку воду, встала к окну и стала смотреть на большой диск луны.

Кёске Сугино

Пожалуй, еще недавно даже в самом фантастическом сне Кёске не мог представить, что вместо привычного вечера с кем-нибудь из коллег, с последующим возвращением в участок или его маленькую квартиру, ему придется отправлять

спать заболевшую Мари и успокаивать Томико. А затем и вовсе укладываться спать на диване, следуя данному обещанию. Хотя диван в квартире, любезно подобранной Тямой, можно было считать еще роскошным ложе по сравнению с местами, где ему приходилось спать.

Отключился Кёске сразу после того, как его коварный план знатно накуриться все же удалось претворить в жизнь. Так что его одежда, в которой он и завалился спать, планируя перед работой заскочить к себе и переодеться, имела вполне характерный запах. Хотя Сугино не рассчитывал, что до утра его кто-то вздумает обнюхивать. Да и вообще, не собирался просыпаться раньше запланированного времени, пока из мира снов его не вытащило нежное прикосновение теплых губ к виску.

- Ты чего не спишь? - пробормотал Кёске, открывая один глаз, после того, как осознал, что подобное проявление чувств ему не приснилось. - Из-за температуры не можешь уснуть?

Точное время мужчина определить не мог, но по ощущениям была глубокая ночь, не слишком располагающая к блужданиям по квартире.

Мария Икеучи

Голос мужчины заставил ее резко вздрогнуть и уронить кружку. Предмет не разбился, но вода растеклась по подоконнику и закапала на пол.

Кап-кап. Кап-кап. Откуда-то капала вода, звук был какой-то глухой. А может быть, это была не вода, а что-то другое. Мария вздрогнула, вспомнив, что одно время это была кровь, капающая из разбитого носа. И Ёсида стоял напротив нее и смеялся. Это осталось в прошлом, это нужно забыть, но почему-то сейчас все эти страхи и воспоминания, которые, казалось бы, канули в бездну, вернулись. Вероятно, это было связано с общим истощением организма из-за болезни. Ведь не было уже давно никаких предпосылок к этим воспоминаниям. А тут ещё оказалось, что она не только разбудила Кёске, но и заставила его остаться, и теперь он станет свидетелем ее слёз. Снова.

- Луна, - она оторвалась от яркого диска и посмотрела на Кёске, который продолжал лежать на диване, - очень яркая. Я проснулась и не могла заснуть. Я тебя разбудила?

Мария внимательно посмотрела на него и вздохнула. А потом снова вернулась к яркому диску.

Кёске Сугино

- Луна... - протянул Кёске, медленно меняя положение с горизонтального и усаживаясь на диване. - Так можно окно прикрыть и спать дальше.

Голос Мари подсказывал, что луна если и была виновата в пробуждении, но явно работала в этом направлении не одна. И пусть мужчина догадывался о возможных причинах бессонницы, ему очень хотелось надеяться на свою ошибку, иначе все происходящее напоминало какой-то бесконечный бег с препятствиями по кругу. А

хоть бегать он всегда умел хорошо, как и любой нормальный человек имел обыкновение уставать, особенно если не видел впереди заветной финишной черты.

- Разбудила, - Кёске не стал отрицать очевидного, решив все-таки не засиживаться на диване и подняться, раз хозяйка квартиры предпочитала наблюдение за луной своей уютной постели. - Но я как-нибудь это переживу.

Кёске подошел и встал за спиной Мари, следуя ее примеру и утыкаясь взглядом в унылый светлый кружок на небе. Но поскольку романтиком его точно назвать было нельзя, вместо того, чтобы искать в ночном свете какие-то откровения, он предпочел успокаивающе положить руку на женское плечо, надеясь, что это поможет Мари хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей.

Мария Икеучи

- У меня не получилось спать дальше, - тихо сказала Мари, теребя в руках кружку и глядя на лужу воды на подоконнике. Даже это вызывало неприятные и вызывающие стыд воспоминания, которыми совершенно не хотелось делиться. Да и с остальными воспоминаниями тоже делиться не хотелось. Кёске потратил много денег на ее лечение, чтобы она это забыла, но почему-то она не смогла это забыть. Дорогое лечение, которое должно было стать эффективным, почему-то не помогло ей.

- Мне приснился кошмар, - пожаловалась она неожиданно даже для себя. - Даже не кошмар, а те события. Мне приснилась кость, которую он мне кинул, чтобы я не сдохла от голода. Я старалась забыть это, честно, но у меня не получилось. Прости, что тебе снова приходится видеть мои слезы и страхи.

Кажется, температура, которая было опустилась, снова поползла вверх. Из-за общего истощения была сильная слабость, и ноги подкосились. Мари вцепилась в подоконник и зажмурилась. Закружилась голова, было ощущение, что голова кружится на самом деле. По крайней мере, сильно заныли мышцы шеи и плечевого пояса.

Но Кёске встал рядом с ней и положил руку на ее плечо, и это немного успокоило ее бешено стучащее сердце и натянутые болезнью и воспоминаниями нервы. Мари положила свою руку на его и снова открыла глаза. Посмотрела на его отражение в оконном стекле.

- Я... можно мне поговорить с тобой? Я хотела все забыть, но у меня не получилось. Неужели вся эта работа была бесполезна? Там были другие жертвы, там были другие ужасы, но не было жертв серийника. Почему, Кёске? Почему он убивал всех? Почему я выжила?

Мари крепче сжала его руку и закусил губу, чтобы не разреветься. Пришло воспоминание, как однажды она постучала в дверь его квартиры в слезах и уткнулась в его грудь, заревев и сказав, что отчим к ней приставал. Тогда Кёске оставил ее в своей квартире, а сам пошел разбираться с отчимом и избил его. После этого Мари обрабатывала его ранки на костяшках пальцев. Был поцелуй, разговоры. Мария прикрыла глаза, но вместо радостных и светлых воспоминаний

снова появился подвал. И этот отвратительный диск луны не придавал воспоминаниям романтики.

Кёске Сугино

Дальнейшие слова Мари подтвердили верность его догадок, и, с учетом этого, единственным вариантом оставалось притворяться, что он не расстроен, чтобы еще сильнее не волновать единственную оставшуюся в живых жертву маньяка. Хотя видеть, как небезразличный ему человек снова и снова возвращается к травмирующим событиям было тяжело. Но, конечно, не так тяжело, как стоящей перед ним женщине, частичка которой, похоже, так и осталась в месте своего заточения.

- Тебе все можно, - твердо заявил Кёске, в тайне надеясь, то Мари, все-таки не поймет его слова буквально. - Да и слезами, как ты знаешь, меня не напугать, так что поговорим, но вот только не здесь.

Мужчина видел, что состояние любительницы любования луной, все еще очень далеко от нормального, поэтому забрал у нее кружку, проигнорировав воду на подоконнике, и начал мягко подталкивать Мари к дивану, с которого недавно встал сам.

- Маньяки убивают, так как у них проблемы с головой, и наличие какой-нибудь слезной истории детства их никак не оправдывает. - Сугино понятия не имел, с чего там Ёсида невзлюбил иностранок и начал их убивать, но его это и не волновало. Подобный преступник всегда оставался преступником, которого следовало наказать соответствующим образом - в идеале, вырыванием печени и засовыванием ее в какое-нибудь интересное место на теле, ну или по закону, к сожалению, в некоторых случаях перебарщивающему с гуманностью.

- А ты выжила, потому что сражалась за свою жизнь до последнего. И если у тебя там все получилось, то уж с работой и прочим все точно наладится.

Кёске осторожно усадил Мари на диван и сел рядом так, чтобы женщина в любой момент могла на него опереться. Причем, как обычно, во всех смыслах этого слова.

Мария Икеучи

Мари опустилась следом на диван, обняла ноги руками и уткнулась подбородком в колени. В такой позе она любила сидеть, если ей было страшно. В такой позе она сидела и там. И в реабилитационном центре на сеансах с врачом.

- Мне приходилось посещать групповые занятия, но я так и не смогла рассказать им про то, что случилось. А на индивидуальном занятии он не давал мне высказать все и проработать это. Мне очень жаль, что я не оправдала твоих надежд и потраченных денег. Но я стараюсь вернуться в нормальный мир, просто сейчас тяжело. Наверное, все навалилось одновременно. Не знаю.

Мария посмотрела на Кёске и опустила ноги на пол. Через несколько минут влажные от пота и горячие от температуры ноги замерзли, и Мари, вместо того, чтобы снова обнять их, прижалась к Кёске. Он всегда был ее защитником, и сейчас он остался. И

даже не сказал банальную и надоевшую фразу "это все пройдет и останется в прошлом", которую она слышала почти каждый день и на групповых сеансах, и при личной встрече.

- Я не оправдываю его. У меня не было к нему жалости. Особенно после того, как он убил мою маму. Ничего изменить нельзя, но смириться с тем, что так неожиданно ушел самый близкий и родной человек, очень непросто. Ты сам терял свою мать, но... мужчины всегда были сильнее духом и телом, а я даже не успела попрощаться с мамой. Мне плевать, что с этим уродом было раньше, я слушала его слезную историю, но я жалею лишь об одном - что мне нельзя было его убить собственными руками. Насколько я знаю, сейчас еще не было суда, и он живет. Это несправедливо.

Температура все ползла вверх, снова стала пробивать непонятная дрожь. Мария прижалась к Кёске и жалобно всхлипнула. По виску стекла капелька пота. Джемпер стал влажным, особенно в области спины, и доставлял неудобства. Женщина хлюпнула носом и прикрыла глаза.

Кёске Сугино

- Не волнуйся, я не обнищал, и я не считаю деньги потраченными зря. - За то время, пока он жил один, Кёске, даже несмотря на не самую большую зарплату, умудрялся оставлять чуть ли половину средств непотраченными. И, как оказалось, многолетний скромный образ жизни стал настоящим спасением с учетом вторжения в его маленький мирок сразу двух женщин.

- Тебе уж точно не стоит мारать руки обо всякую отморожь. Не волнуйся, после всего, что этот человек, если его вообще можно так назвать, натворил, он получит самое строгое из возможных наказаний.

На попытку Мари найти у него поддержки и защиты Кёске ответил соответствующим образом - приобнял ее в ответ. Но поскольку дрожать женщина не переставала, через какое-то время Сугино решил перегруппироваться, сев так, чтобы она могла полностью облокотиться на него спиной, одновременно с этим укутав ее ноги одеялом.

- И переставай уже болеть, - мягко пожурил он хлюпающую носом Мари, в очередной раз потрогав ее лоб и убедившись, что временно сбившая температура начала возвращаться к прежним показателям. - Или ты решила собрать все существующие в этом мире неприятности? Так переставай. Оставь и другим причины немного пострадать.

Кёске плохо представлял, что вообще нужно говорить в подобных случаях, поэтому после последнего замечания решил немного помолчать, просто крепче прижав Мари к себе и начав еле заметно успокаивающе покачиваться из стороны в сторону.

Мария Икеучи

- Его казнят? Не найдут ничего, чтобы его оправдать? Точно? Я не боюсь, что он причинит вред нам с Томми или тебе. Просто я не хочу, чтобы он дышал воздухом. Пожалуй, это единственный раз, когда я желаю кому-то смерти.

Мария горько усмехнулась, а затем вздрогнула от осознания всего сказанного. Она никогда не желала никому зла, но сейчас чувствовала, что все эти отвратительные воспоминания связаны только с тем, что Ёсида пока еще жив. Она была уверена, что ей станет легче, когда он перестанет дышать. Возможно, пройдет много времени прежде, чем она полностью отпустит этот эпизод из жизни, но она будет стараться. Вероятно, это все болезнь.

Шмыгнув носом, Мария почувствовала, что в носу собираются сопли. А еще неприятно заболело горло. И состояние было какое-то странное и непривычное. Болела она очень редко, да и тогда некогда было болеть. А сейчас вроде бы она уже не работала, но почему-то не было уверенности, что можно просто болеть.

Кёске укрыл ее ноги одеялом, стало тепло. От его объятий становилось теплее, и страхи уже не казались такими монстрами, возникающими в сознании. Мария положила ладонь на его руку и обернулась. Посмотрела на него, и во взгляде была какая-то застенчивость.

- Ты не оставишь нас? Я... не хочу, чтобы ты оставлял нас. Я боялась тебе признаться, что не хочу работать. Мне тяжело. Если это неправильно, то я буду работать, только, пожалуйста, дай мне немного времени. Я люблю тебя, мой милый Кёске.

Кажется, у нее начинался бред, вызванный высокой температурой и истощенным организмом. И она ничего не могла поделать с этим. Закрыв глаза, она почувствовала, как засыпает, и вздрогнула. Нельзя спать, особенно здесь. Это диван Кёске, но разве это правильно, чтобы любимые люди спали по отдельности?

- Нет, я не хочу, чтобы ты спал отдельно, - пробормотала Мария, не заметив, что сказала это достаточно громко, чтобы Кёске это услышал. Сейчас ее мозг был во власти высокой температуры.

Кёске Сугино

- Не волнуйся, после всего, что он сделал, оправдать его никто не посмеет. - Кёске не стал говорить, что на судах случалось всякое, и та же смертная казнь применялась далеко не во всех случаях, когда, на его взгляд, это стоило бы делать. Сейчас Мари намного нужнее правды была уверенность в благополучии ее семьи, куда она, судя по всему, записывала и его.

- Да не оставляю я вас. Я же сразу об этом говорил. - Слова Мари, вроде как оброненные совершенно случайно, вызвали ощущение, что его, как дикое животное, на протяжении определенного времени систематично загоняли в ловушку, чтобы отловить и превратить в экзотичного домашнего питомца. Хотя признавая, что попался со всеми потрохами, Кёске не был уверен, что даже в идеальных условиях содержания не будет время от времени пытаться убежать в родной лес.

- Но спать тебе здесь не стоит. - Все состояние Мари указывало, что немного успокоившись и пригревшись, она может отключиться в любой момент. Но засыпать в том положении, в котором они находились сейчас было не самым разумным

решением. Во-первых, это было не слишком удобно и грозило превратить их тела к утру в два одеревенелых куска мяса, а во-вторых, никто не гарантировал, что у Томико тоже не проснется тяга к ночным хождениям, и она не напорется на картину, к которой может быть еще не готова.

- Пойдем, я лучше отнесу тебя в кровать. - Заявление Мари по поводу желания делить с ним ложе Кёске комментировать не стал, хотя и догадывался, что на диван он сегодня может больше и не вернуться. Вместо этого, он сначала поднялся сам, а затем подхватил Мари на руки и понес в ее комнату, собираясь, в случае необходимости, устроить разборки с луной, мешающей женщине спокойно спать.

Мария Икеучи

- Обо мне еще никто так не заботился, - пробормотала Мари, обхватывая шею Кёске руками и кладя голову на его плечо. Руки были очень горячими, поэтому его шея показалась ей холодной. Это был приятный холод. - Кроме тебя. Ты всегда мне помогал.

Сознание было во власти высокой температуры, и, оказавшись на кровати, она несколько раз чихнула, а потом захлюпала носом. Захотела встать, но у нее ничего не получилось не то из-за сильной слабости, не то из-за того, что рядом был Кёске. Температура была достаточно высокая, сознание каким-то отстраненным, и Мария совсем скоро забыла, зачем хотела встать. Чихнув еще раз, она за неимением салфетки вытерла нос рукавом джемпера. Хоть это было неправильно, но дотянуться до комода, на котором стояла коробочка с бумажными салфетками, она не догадалась.

- Что-то мне не очень хорошо. Несколько дней проведенных в холодильнике, сделали из меня еще более слабого человека. И... Кёске, прости, я тебя разбудила. Ты посидишь со мной? Или... тебе, наверное, нельзя. Ты можешь заболеть.

Мария положила ладонь на его щеку и посмотрела на него.

Кёске Сугино

Хоть слова Мари, касающиеся его заботы, и звучали приятно, на языке у Кёске так и крутилась пара словечек о том, что за прошедшие годы можно было найти кого и получше. Он все еще не представлял себя в роли главы семейства, коим его явно видели, но уже перестал сопротивляться, решив больше не бороться с женским упрямством и просто плыть по течению. И от этого решения ему даже стало немного легче и спокойнее, благо его совесть, как человека предупреждавшего о возможных побочных эффектах "одомашнивания", была чиста.

- Да я вижу, что тебе совсем не хорошо, - покачал головой Кёске, устраивая женщину на кровати и укрывая одеялом. - Но ничего. За болезнью обычно приходит выздоровление. А до этого момента, ну или хотя бы до завтрашнего утра, я побуду с тобой. Не волнуйся, у меня крепкий организм, и его так легко не свалить.

Рука, оказавшаяся на его щеке, в совокупности с проникновенным взглядом добились своего, и уже очень скоро Кёске не только уложил Мари, но и прилег рядом сам, прижимая к себе пышущее нездоровьем женское тело и надеясь, что остаток

ночи пройдет спокойно, а утро принесет какие-нибудь приятные новости, ну или уберет эту дурацкую температуру, не дающую никому покоя.

Мария Икеучи

Кёске лег рядом с ней, и Мария закрыла глаза, уткнувшись носом в его плечо. Только сейчас она услышала запах сигарет, исходящий от него, и вздохнула. То, что он спал в одежде, тоже было неправильным, но Мари решила не влезать сильно в его жизнь и судьбу. Хотя сейчас, находясь во власти высокой температуры, она не обратила внимания, что все это кажется слишком настойчивым. Возможно, все это было неправильно, все с самого начала. Но Кёске был единственным мальчиком, с которым можно хоть о чем-то поговорить. В школе у нее друзей особо не было, ее считали странной и иногда смеялись над тем, как она коряво выводит иероглифы или неправильно ставит ударение. А уж когда все ели палочками, а она неуклюже пыталась их держать, а после ела руками, - тогда ее называли свиньей. И что-то про русских. Это потом, уже на острове, она научилась правильно держать палочки. А дома всегда были европейские столовые приборы. Мама забрала их с собой, они были сделаны из серебра в середине девятнадцатого века. И мама так и не научилась пользоваться палочками.

Неожиданные мысли о маме заставили Марию жалобно всхлипнуть и инстинктивно прижаться к Кёске. Вероятно, не стоило это делать, но высокая температура, на которую не стоит списывать появление демонов, была одной из причин такого поведения.

Голова сильно гудела и непривычно кружилась, создавалось из-за этого ощущение нахождения на корабле, попавшем в шторм. Морфей осторожно укрывал ее сознание своим пушистым одеялом, а рядом был близкий человек, который сейчас успокаивал.
